

УДК 82.091

doi 10.17072/2037-6681-2018-1-117-124

СЛОВО И ВЕЩЬ В СИСТЕМЕ ПОЭТИКИ МОЛЧАНИЯ

ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА

Ольга Михайловна Любимская

аспирант кафедры зарубежной литературы

Тюменский государственный университет

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. lubimskaya89@list.ru

SPIN-код: 6882-1710

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1868-678X>

ResearcherID: M-6613-2017

Статья поступила в редакцию 12.09.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Любимская О. М. Слово и вещь в системе поэтики молчания Дж. Д. Сэлинджера // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 117–124. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-117-124

Please cite this article in English as:

Lyubimskaya O. M. Slovo i veshch' v sisteme poetiki molchaniya Dzh. D. Selindzhera [A Word and a Thing in the System of J. D. Salinger's Poetics of Silence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 1, pp. 117–124. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-117-124 (In Russ.)

Анализируется феномен молчания в творчестве Дж. Д. Сэлинджера. Особенности молчания рассматриваются через взаимосвязь двух одинаковых по значимости категорий в художественном пространстве Сэлинджера: «слова» и «вещи». Их корреляционная зависимость в сэлинджеровских текстах очевидна: с ростом вещного мира снижается роль слова и, напротив, с желанием героев сохранить «подлинное» слово утрачивается интерес к внешнему пространству. Внимание Сэлинджера к оппозиции «материальный – духовный», «внешний – внутренний» в данной статье проясняется исходя из философских, экзистенциальных установок писателя. Для буржуазного общества середины XX в. с его потребительскими ценностями характерен процесс отчуждения. С потерей духовных ориентиров человек утрачивает внутреннюю сущность и, как следствие, становится предметом внешнего пространства. В этой связи человек в текстах Сэлинджера воспринимается так же механически, как вещь. Ведущим стремлением героев Сэлинджера является глубокое желание отчуждать свое слово от внешнего, обезличивающего мира, не дать превратиться ему в вещь. Сэлинджеровские герои чувствуют бессодержательность слова во время светской болтовни, буквально осязают его пустотелость, существование лишь внешней, материальной формы слова и, желая предотвратить его овеществление, замолкают, ищут спасения во внутреннем, безмолвном затворничестве. Автор статьи приходит к выводу, что взаимосвязь «вещи» и «слова» в сэлинджеровских текстах обуславливает основные черты его поэтики молчания.

Ключевые слова: Дж. Д. Сэлинджер; молчание; отчуждение; экзистенциализм; человек и вещь; слово и вещь.

Тему молчания в текстах Сэлинджера западные и отечественные литературоведы затрагивают лишь косвенно, в то время как она является одной из главных в его творчестве, ею проникнуты все произведения писателя, более того, сам Сэлинджер по неизвестным причинам в расцвете творческих и жизненных сил закрылся от внешнего мира, пребывая в безмолвном уединении. В ходе изучения этого вопроса мы акцентирова-

ли две равные по своему значению категории в произведениях Сэлинджера: «слово» и «вещь». Стоит отметить, что на важность сэлинджеровской вещи обратили внимание лишь немногие исследователи, а взаимосвязь этих двух категорий и вовсе не была замечена. Нам представляется, что слово и вещь в художественном пространстве молчания Сэлинджера тесно переплетены. Их отношения обратно пропорциональны: с

возрастанием значимости вещи уменьшается роль слова, и наоборот. Каждая из этих категорий усиливает значение другой. При «вещной захламленности» слово в художественном мире Сэлинджера обесценивается, стремится к нулю. Таким образом, рассмотрение слова и вещи во взаимодействии позволит увидеть поэтику молчания в новом ракурсе и даст более полное представление об истоках молчания сэлинджеровского героя. В свою очередь, столь пристальное внимание Сэлинджера к вещному пространству лучше всего можно понять в контексте экзистенциализма и проблемы отчуждения.

Одним из первых на Западе авторитетных трудов по этому вопросу является работа американского критика-марксиста Сидни Финкелстайна (Sidney Finkelstein, 1909–1974). В своей книге «Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе» (Existentialism and Alienation in American Literature, 1967) Финкелстайн рассматривает творчество ряда писателей США сквозь призму отчуждения (Ю. О' Нийл, С. Фицджеральд, У. Фолкнер, А. Миллер, Дж. Д. Сэлинджер, Н. Мейлер, С. Беллоу, Д. Болдуин и др). По мнению Финкелстайна, отчуждение человека от окружающего мира, а также от самого себя является одним из ведущих лейтмотивов в произведениях этих писателей, а также характерной чертой всего западного творчества XX в. Процесс отчуждения Финкелстайн рассматривает в контексте марксистской философии: «При капитализме достигает предела и отчуждение. <...> Рабочий отчуждается от продукта своего труда и от самого себя как создателя этого продукта» [Финкелстайн 1967: 154].

Творчество Сэлинджера в контексте экзистенциализма и проблемы отчуждения анализируют также и отечественные литературоведы. Н. Л. Иткина в монографии «Поэтика Сэлинджера» (2002) отмечает, что «Конфликт сэлинджеровского героя экзистенциален. Он касается самого существа отношений человека с миром, внутреннего бытия и оттого неизбежен. Чтобы разрешить его – нужны не перемена обстоятельств, а духовный перелом, перерождение, что и происходит с героем Сэлинджера в том случае, если ему удастся пережить кризис, выжить чисто физически, миновав роковую черту самоубийства...» [Иткина 2002: 24].

«Экзистенциальная» парадигма исследования продолжает свое развитие в работах А. А. Аствацатурова, посвященных Сэлинджеру. В беседе на Радио «Свобода» (2010), посвященной памяти Сэлинджера, Аствацатуров замечает: «Сэлинджер дистанцируется от реальности, заставляет своих героев дистанцироваться от собственных эмоций, от собственных переживаний, от вещей, от внешних материальных форм, то есть он со-

здает абсолютно отчужденный мир, мир слов в своих текстах» [Волчек 2010].

Подобные рассуждения российских сэлинджероведов созвучны вышеназванной работе американского исследователя. Финкелстайн пишет: «Обращение Глассов к религии в поисках ответа отражает общее возрождение интереса к религии, характеризующее американскую литературную и интеллектуальную жизнь сегодня. Подобное “решение” вопроса об отчуждении, захватившем все сферы общественной жизни, тесно переплетается с экзистенциализмом» [Финкелстайн 1967: 245]. Далее он поясняет, что религиозное возрождение в американском обществе не связано с какой-либо определенной церковью или теологической догмой. Оно вызвано стремлением американцев выйти из тупика материального прогресса и науки, произвести революцию духа в повороте к сверхъестественному.

Стоит также отметить, что с ориентацией на работу Финкелстайна была написана диссертация А. Л. Ястребова «Концепция детского характера и проблема отчуждения в творчестве Дж. Д. Сэлинджера и Т. Капоте (“Над пропастью во ржи”, “Луговая арфа”» (1989). Финкелстайн, Ястребов и другие исследователи рассматривают проблему отчуждения в художественном мире Сэлинджера в основном на уровне отношений героя с семьей и обществом, пытаются выявить нравственные причины его поведения, нам же в контексте обозначенной проблемы представляется интересным раскрыть некоторые особенности поэтики молчания сэлинджеровских героев.

Из крупных философов, близких мироощущению Сэлинджера, можно назвать Мартина Бубера. Проблему погружения в вещностный мир, связанную с процессом отчуждения, Бубер также рассматривал как доминантную особенность XX в.: «На протяжении последнего столетия человек все глубже погружался в пучину кризиса, который во многом, за исключением одной существенной черты, напоминает прежние кризисы. Отличительная особенность нашего кризиса – перемена в отношении человека к вещам и связям, созданным его трудом или при его косвенном участии. Эту особенность можно было бы определить как отторжение человека от его творения» [Бубер 1995: 193]. О сходстве идей Бубера и Сэлинджера писала Иткина: «Из множества философских работ, занятых исканиями “человека в человеке”, назовем лишь одну, где искания эти ведутся в направлении, близком Сэлинджеру. Это известная работа М. Бубера “Я и Ты”, написанная в 1923 г.» [Иткина 2002: 26].

Поскольку процесс отчуждения связан с отдалением человека от продукта труда, для более глубокого понимания поэтики молчания Сэлинджера нам необходимо подробнее остановиться

на категории вещи. При отчуждении отношение человека к человеку и к миру вещей становится механическим. Человек и вещь воспринимаются ээлинджеровскими персонажами одинаково механически, человек в художественном мире Сэлинджера становится вещью наряду с другими предметами вещного пространства. Примечательно, что ээлинджеровская вещь, напротив, обладает внутренней жизнью, бытийной автономией и враждебностью по отношению к человеку.

Перестановка ролей, когда человек становится вещью, а «материя дерзает объявить себя духом», характерна для процесса отчуждения. В. Н. Топоров в работе «Вещь в антропоцентрической перспективе» (1993), цитируя вышеприведенное суждение Бубера, охватывает историю категории вещи в искусстве и находит, что «ожившая вещь или овеществленный (“механический”) человек, – образы нередкие в мифопоэтических традициях как архаичных, так и современных, как фольклорных, так и литературных, – не только подчеркивают инакость природы человека и вещи, но и указывают две границы, у которых они в пределе могут встретиться – очеловечивающаяся вещь и овеществляющийся человек» [Топоров 1993: 90].

Человек и вещь в художественном мире Сэлинджера меняются местами. Вещь оживает, живет своей самостоятельной жизнью, а человек, напротив, овеществляется, становится атрибутом вещного мира. Бытийность и автономность вещного мира Сэлинджера заметил Аствацатуров: «Вещи у Сэлинджера абсурдны, самодостаточны, независимы и равнодушны по отношению к человеку. Они не знают о собственном назначении, не подчиняются замыслу их создателя» [Аствацатуров 2015: 134]. Чаще эти вещи враждебны по отношению к своему владельцу и никак не коррелируют с характерами персонажей, не являются отражением их внутреннего мира. Вещный мир у Сэлинджера самостоятелен, вещи разрознены, не имеют общей связи ни друг с другом, ни с их владельцем.

В связи с проблемой овеществления человека, слово, по Сэлинджеру, утрачивая внутреннее, духовное содержание, автоматически становится атрибутом материального мира, становится вещью. Процесс отчуждения человека от его творения, человека от человека и, наконец, человека от самого себя, замеченный западными писателями и философами XX в., Сэлинджер переводит на новый уровень. Основной проблемой, поставленной Сэлинджером в центральном его произведении – романе «Над пропастью во ржи» («*The Catcher in the Rye*», 1951), является процесс овеществления и отчуждения человека от своего слова, пустотелость слова, существование лишь внешней, материальной формы слова и, как

следствие, уход героев в молчание, поиск спасения во внутреннем затворничестве.

Итак, слово у Сэлинджера становится в один ряд с вещью. Яркий пример принадлежности слова и звука вещному пространству можно увидеть благодаря приему оппозиции «Нечто – Ничто» (Топоров): «А тут еще вокруг было так тихо, так пусто, что становилось еще тоскливее. На улице ни души, хоть была суббота. Иногда пройдет какая-нибудь пара, обнявшись, или хулиганистая компания с девицами, гогочут, как гиены, хоть, наверно, ничего смешного нет» [Сэлинджер 1983: 80]. Пустота и тишина ночного мегаполиса как «Ничто» – безлюдное пространство, которому противопоставляется нечеловеческий «гогот». Дикий смех становится самостоятельным субъектом, замещающим человека: «Нью-Йорк вообще страшный, когда ночью пусто и кто-то гогочет» [там же].

При рассмотрении следующих фрагментов романа, созданных при помощи аналогичной оппозиционной конструкции, мы убедимся, что «гогот» Сэлинджер приравнивает к миру вещей. «В холле – ни души, только застоялый запах пятидесяти миллионов сигарных окурков» [там же: 87]. Человек отсутствует в художественном мире Сэлинджера, видимое пространство занимает вещь. Не случайно Холден утрирует количество окурков до невозможной цифры. Есть лишь след человека: звук (гогот), использованная вещь и выброшенное слово, которое также становится предметом материального мира. По этой причине ээлинджеровские герои не хотят говорить, они интуитивно чувствуют, что их слово встанет в один ряд с другой вещной пошлостью. Другой пример аналогичной оппозиции: «В парке было гнусно. <...> и никого вокруг не было – одни собачьи следы, и плевки, и окурки сигар у скамеек, где сидели старики» [там же: 108]. Гогот в безлюдном ночном Нью-Йорке, собачьи следы, плевки и окурки равнозначны для Сэлинджера. На скамейках сидят лишь одни старики как символ уходящего прошлого. Будущее для Сэлинджера невозможно, поскольку в новом поколении нет человека, есть лишь его материальный след: «Непохоже было, что скоро будет рождество, вообще казалось, что больше ничего никогда не будет» [там же]. От ээлинджеровского Нью-Йорка ввиду его безлюдности веет мертвенным холодом: «Только холод стоял жуткий, и кругом – ни души» [там же: 138]. Этот холод выступает антитезой человеческой душе.

Надо сказать, что при изображении своей утопической мечты Холден как рассказчик использует эту же оппозиционную схему: «Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом – ни души, ни одного

взрослого, кроме меня» [Сэлинджер 1983: 150]. Взрослый для Сэлинджера как выражение бездуховного, нечеловеческого. Холден утрирует картину мечты до состояния небытия, оно не заполнено материальным, вещным миром, в нем нет взрослых. Дети для Холдена являются прямым противопоставлением всем окуркам, плевкам, бездумным словам и гогогу.

Сэлинджеровская идея связи молчания и вещи близка французским экзистенциалистам, в частности, эту же проблему поднимает Ж. П. Сартр. Герой «Тошноты» Антуан Рокантен хочет кричать от экзистенциального ужаса, вызванного отчуждением человека от общества, господством вещного пространства над человеком, но он осознанно принимает решение в пользу молчания, лишь для того, чтобы слово, произнесенное им, родившийся звук не стали еще одной вещью: «Да это же скамейка, шепчу я, словно заклинание. Но слово остается у меня на губах, оно не хочет приклеиться к вещи. <...> Я среди Вещей, среди не поддающихся наименованию вещей. Они окружили меня, одинокого, бессловесного, незащитного, они подо мной, они надо мной» [Сартр 2000: 154]. От безрассудных поступков, столь созвучных общей абсурдности мира, Рокантена удерживает лишь идея – не дать движению, слову и звуку материализоваться, стать еще одной вещью в ряду других вещей: «Кстати, они боятся меня не совсем зря: я могу натворить что угодно. Например, всадить этот фруктовый ножик в глаз Самоучки. <...> Но удерживает меня не это: вкус крови во рту вместо вкуса сыра – разницы никакой. Но надо сделать движение, надо вызвать к жизни ненужное событие – ведь и крик, который вырвется у Самоучки, и кровь, которая потечет по его лицу, и то, что эти люди сорвутся со своих мест, – все лишнее, и без того хватает вещей, которые существуют» [там же: 151].

Промолчать, сохранить слово в себе для того, чтобы не дать ему стать еще одним предметом материального мира, – мысль, занимающая сэлинджеровских героев. По мнению Сэлинджера, подвиг, который может и должен совершить человек XX в., общества со стремительно развивающимися потребительскими ценностями, – это принять решение в пользу молчания. Молчание воспринимается его героями как спасение своей индивидуальности от унифицирующего внешнего мира. Идея молчания как спасения достигает максимального развития в конце романа, когда Холден делится с сестрой мечтой бросить все и уехать из Нью-Йорка на Запад, где бы его никто не знал: «Я решил сделать вот что: притвориться глухонемым. Тогда не надо будет ни с кем заводить всякие ненужные глупые разговоры. Если кто-нибудь захочет со мной поговорить, ему придется писать на бумажке и показывать мне.

Им это так в конце концов осточертеет, что я на всю жизнь избавлюсь от разговоров. Все будут считать, что я несчастный глухонемой дурачок, и оставят меня в покое» [Сэлинджер 1983: 169].

Внешний, урбанистический мир XX в. враждебен слову: слово либо теряет содержание, внутренний вес, становится пустотельным, сохраняя лишь внешнюю форму, либо умирает вообще, разбиваясь о внешний мир. Музыкальная пластинка, которую Холден хочет подарить Фиби, является замечательным и наглядным тому примером: «Мне хотелось купить одну пластинку для Фиби – “Крошка Шерли Бинз”. Эту пластинку было очень трудно достать. Там все про маленькую девочку, которая не хотела выходить из дому, потому что у нее выпали зубки и она стеснялась» [там же: 105]. Подобно слову, имеющему внутреннее содержание и внешнюю оболочку, пластинка здесь является образом чистого звука, песенного слова, красоты, духовной содержательности, облаченным в материальную форму. Однако Холдену не удается донести подарок целым, по дороге он невзначай разбивает его: «И вдруг, только я зашел в парк, случилась страшная вещь. Я уронил сестренкину пластинку. Разбилась на тысячу кусков. Как была в большом конверте, так и разбилась. Я чуть не разревелся, до того мне стало жалко, но я только вынул осколки из конверта и сунул в карман. Толку от них никакого не было, но выбрасывать не хотелось» [там же: 135–136]. Полновесное слово, наполненное смыслом и красотой, в художественном мире Сэлинджера невозможно. Разбившаяся пластинка – символ поврежденного, обреченного на гибель слова в XX в. Все, что остается молодому поколению, – это бережно хранить осколки прежнего культурного опыта, накопленного предыдущим поколением: «Знаешь, я купил тебе пластинку, но по дороге разбил. Я достал осколки из кармана и показал ей»; «Отдай мне эти куски, – говорит. Я их собираю. Взяла обломки и тут же спрятала их в ночной столик» [там же: 143]. Сэлинджер говорит нам, что будущего у слова нет.

Главная задача Сэлинджера – через пустотелость, бессодержательность, материальность слова показать исчезновение человека и, наоборот, через утрату духовных ценностей человеком, его овеществление – исчезновение слова, речи. Человек и слово представляются Сэлинджеру одним из множества опредмеченных и обезличенных элементов внешнего, вещного пространства. В слове больше нет содержания, внутренней сути, есть лишь словесная оболочка. Слово перестало быть инструментом для познания себя, своей сути, оно обслуживает лишь внешнюю, материальную среду. Послевоенное американское общество сосредотачивается на

формальной стороне жизни, физической привлекательности: «Американская жизнь для Холдена – фальшивка. Этот термин он неоднократно употребляет к различным понятиям успеха: от карьерных достижений и социального статуса до семейных отношений, физической привлекательности, голливудского гламура и т. д.» [Steinle 2009: 92]. Неприятие узкопрактических ценностей, целиком проникнутых материализмом, велико и в самом авторе: «...Нежелание Сэлинджера публиковать свои истории, другими словами, продать их, означает явное проявление его критики в отношении господства материальности в американской жизни» [Ghasemi, Ghafouri 2011: 29]. Теми же чертами автор наделяет своих героев: «От начала и до конца своего путешествия, от школы до санатория, голос Холдена передает его ярость по поводу неспособности его современников преодолеть разъедающий материализм современной американской жизни» [Rowe 1991: 78]. В молчании Сэлинджер видел спасение человека в человеке, предотвращение его овеществления.

Современная философия активно занялась изучением исчезновения речи как неотвратимого явления. Причина этого процесса видится в потере человеком своего онтологического статуса, человек перестал мыслиться наравне с такими онтологическими идеями, как идея Бога, Природы, Истории, поэтому теперь он пребывает в ситуации «культурной паузы», интервала, перехода, «...когда уже ничего нет. И когда еще ничего нет» [Смирнов 2005: 67]; «В последнее время в философии наблюдается некая тенденция расставания с основными действующими персонажами этого мироустройства. Сначала мы потеряли вместе с Ф. Ницше субстанцию Бога, затем в творчестве Р. Барта умер автор текста, потом М. Фуко заявил об утрате субстанции человека, а теперь нам предстоит расстаться еще и с речью» [Катюхина 2016: 178]. По мнению многих философов, для того чтобы вновь обрести себя, человек должен полюбить молчание.

Если идейный предшественник Сэлинджера Г. Д. Торо видел спасение человека от урбанизирующих мегаполисов, промышленного и научно-прогресса в уходе в лес, на лоно природы, то Сэлинджеру спасение представляется в уходе в себя, в молчание. Такой выбор неслучаен, поскольку в XIX в. человек пытался сохранить себя, свою личность, а в XX в. вместе с собой он пытается сохранить и свое слово. Опустошение слова наравне с человеком, нивелирование его внутренней сути – проблема, характерная для XX в., которую в американской литературе один из первых обозначил Сэлинджер.

Однако оба писателя явственно различают внутреннюю и внешнюю сторону явлений. Торо видит противопоставление телесной оболочки

человека его духу, а Сэлинджер переводит мысль Торо на новый уровень, различая внешнюю оболочку слова и его содержание. В романе «Уолден, или жизнь в лесу» (1854) – одном из претекстов романа «Над пропастью во ржи» – Торо, описывая жизнь американского современника в мегаполисе, критикует его внешнюю жизнь, называя ее всего лишь необходимой оболочкой для жизни внутренней. Так, у него выступает оболочкой одежда: «Наша линька, как у птиц, должна отмечать важные переломы в нашей жизни. Гагара в эту пору улетает на пустынные пруды. Змея тоже сбрасывает кожу, а гусеница – оболочку в результате внутреннего процесса роста, ибо одежда – это лишь наш наружный кожный покров, покров земного чувства» [Торо 1979: 30–31]. Следом за одеждой внешней материальной оболочкой у Торо выступает дом: «В крупных городах, где цивилизация победила окончательно, число имеющих кров составляет очень малую долю. Остальные ежегодно платят за эту внешнюю оболочку, ставшую необходимой и зимой, и летом, такие деньги, на которые можно приобрести целый поселок индейских вигвамов, и из-за этого живут в нужде всю свою жизнь» [Торо 1979: 38].

Сэлинджер идет дальше, он различает внутреннюю и внешнюю сторону слова, последняя из которых становится для него буквально видимой оболочкой, поскольку слово в мире Сэлинджера пустое, есть только его материальное проявление, что так сильно тяготит героев. Для того чтобы сохранить мысль, сэлинджеровский герой вынужден замолчать, поскольку слово больше не может вмещать в себя полновесный смысл.

Духовная, внутренняя жизнь в представлении Сэлинджера невозможна в Америке, особенно в ее мегаполисах. Эта мысль является сквозной в его творчестве и переходит из произведения в произведение. «Почему на Востоке все лучше?» – спрашивает Холден приятеля Льюса о любовных отношениях последнего с китайкой. И в ответ слышит: «Просто они считают, что любовь – это общение не только физическое, но и духовное» [Сэлинджер 1983: 130]. «...В Нью-Йорке все наши знакомые ... просто психи, понимаешь? От этого и нормальный человек рано или поздно поневоле спятит» [там же: 539], – говорит главный герой Артур в рассказе «И эти губы, и глаза зеленые» коллеге по работе, намереваясь уехать в пригород, чтобы возродить утерянную любовь с супругой. «Вы знаете, в Америке так трудно предаваться медитациям и жить духовной жизнью. Стоит только попробовать, как люди начинают считать тебя ненормальным. Например, папа видит во мне какого-то уродца. Ну а мама... ей кажется, что зря я думаю все время о Боге. Она считает, что это вредно для здоровья»

[Сэлинджер 1983: 584], – окончательно утверждает эту мысль Тедди в последнем рассказе из цикла «Девять рассказов».

Сэлинджеровский герой ищет спасения от обезличивания внешним миром, сосредотачивая все силы на внутреннем бытии: «Герой Сэлинджера живет напряженной внутренней жизнью. Он или поэт (как Сеймур), или писатель (как Бадди Гласс или Сержант Х), или он просто предпочитает читать в то время, как все его друзья смотрят в кино какую-нибудь липу» [Морозова 1969: 64]. Дифференциация «внутреннего и внешнего» характерна не только для Сэлинджера, но и для большинства американских писателей послевоенной литературы. Сохранить индивидуальность, личность герой литературы XX в. может, лишь спрятав ее от внешнего мира, закупорив ее глубоко в себе. Цитируя обращенные к Офелии слова Гамлета «Иди в монастырь!», Финкелстайн отмечает, что «в XX веке монастырские стены возводятся внутри человека, это психологический барьер, воздвигаемый, чтобы отвести удары социальной действительности» [Финкелстайн 1967: 247–248]. Внешний мир занят лишь проблемами материального характера. Бездуховность второстепенных сэлинджеровских персонажей выражается в узости интересов, их разговоры сводятся к выяснению социального статуса, размеру заработка и т. д. Их удовлетворяют формальные, безличностные отношения, не требующие глубокого внутреннего участия. В такой связи человек перестает быть субъектом, а становится объектом внешнего мира, встает в один ряд с вещью. Идея «овеществления» человека XX в. замечательно выражена в ранее упомянутой нами работе «Я и Ты». Бубер пишет, что при отсутствии подлинного общения двух личностей как двух «Ты» человек рискует стать объектом вещного мира – «Оно»: «Сколь же могущественна причинно-следственная взаимосвязь мира Оно и как хрупки явления Ты! <...> Как много того, что не может пробить корку вещности! <...> В мире каждое Ты в соответствии со своей сущностью обречено стать для нас вещью или же вновь и вновь отходить в вещьность» [Бубер 1995: 71].

Страстное стремление к молчанию сэлинджеровского героя можно понять лишь в контексте раскрытой нами выше связи: буржуазное общество с потребительскими ценностями вызывает отчуждение человека от мира, человека от человека и от самого себя. Рассуждая об образе молодого американца 1950–1960 гг., Т.Л. Морозова делает следующее замечание: «Капиталистическое общество не может предложить молодому поколению вдохновляющих идеалов, одурманивая его фальшивыми идеальчиками буржуазного благополучия, неизбежное разочарование в которых приводит к отчаянию и опустошенности»

[Морозова 1969: 21]. Утрачивая свою духовную, внутреннюю сущность, человек становится предметом внешнего пространства, вещью. Сэлинджеровский герой остро ощущает этот феномен, он не хочет слушать пустую болтовню и сам не желает говорить.

Замечательны в этой связи два, на первый взгляд совершенно разных по идейному содержанию, фрагмента романа «Над пропастью во ржи». «А я пока что подошел к окну, открыл его настежь и слепил снежок» [Сэлинджер 1983: 47], – говорит нам Холден. – «Но я никуда не швырнул снежок, хоть и собрался его бросить. Сначала я хотел бросить в машину – она стояла через дорогу. Но потом передумал – машина вся была такая чистая, белая. Потом хотел залепить снежком в водокачку, но она тоже была чистая и белая. Так я снежок никуда и не кинул. Закрыл окно и начал его катать, чтоб он стал еще тверже. Я его еще держал в руках, когда мы с Броссаром и Экли сели в автобус. Кондуктор открыл дверцу и велел мне бросить снежок. Я сказал, что не собираюсь ни в кого кидать, но он мне не поверил» [там же]. Круглый снежок в этом контексте можно рассмотреть как слово – как нечто, наполненное волей его творца и имеющее материальную форму, как творение человека, которым он может распоряжаться по собственному усмотрению. Окно, а затем и двери автобуса выступают чертой, разграничивающей внутреннее и внешнее пространство. Холден стоит перед выбором: бросить ли снежок во внешний мир. Но он сознательно принимает решение не швырять его на улицу, поскольку не хочет запачкать им чистый и белый мир.

Это переключается с ситуацией в музее, когда Холден встречает двух мальчишек, один из которых все время молчит, и на вопрос Холдена: «А твой приятель немой, что ли? Разве он не умеет говорить?» – безгласный мальчик отвечает: «Умею, ... только не хочу» [там же: 173].

Герои Сэлинджера не хотят рождать слово в этот мир, переполненный вещами, следами, плевками и т. д. Молчание – их осознанный, свободный выбор. Жертвы унифицирующего, обезличивающего общества, они оставляют за собой право решать, проявлять ли им материальный след во внешнем мире: бросить или не бросить снежок за двери автобуса, говорить или молчать. Проблема молчания сэлинджеровских героев носит экзистенциальный философский характер. Сэлинджер как будто задает читателю вопрос: «Стоит ли рождать слово в мир, где оно рискует стать синонимом вещи?»

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью заключить, что проблема молчания в творчестве Сэлинджера на сегодняшний день изучена недостаточно, несмотря на то, что этот

феномен является одним из центральных как в произведениях, так и в биографии писателя. Мы увидели, что для его поэтики молчания характерна тесная связь двух категорий: «слова» и «вещи». В буржуазном обществе середины XX в. человек воспринимается так же механически, как вещь. В художественном мире Сэлинджера вещь одухотворяется, оживает, а человек и соответственно его слово, напротив, овеществляются. Слово героев становится пустотелым, исчезает его внутренняя суть, остается лишь внешняя его сторона, материальная форма. Как следствие, герои стремятся к молчанию, ищут спасения от внешнего унифицирующего мира во внутреннем творчестве. Отношения категорий «слово» и «вещь» обратно пропорциональны: с возрастанием значимости вещи уменьшается роль слова, и наоборот. Каждая из этих категорий маркирует друг друга, усиливает значение другой. При «вещной захламленности» слово в художественном мире Сэлинджера обесценивается, стремится к нулю.

Список литературы

Аствацатуров А. А. Джером Сэлинджер: улыбка чеширского кота // Октябрь. 2015. № 10. С. 128–135.

Аствацатуров А. А. Феноменология текста: игра и репрессия. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 283 с.

Бубер М. Два образа веры / пер. с нем.; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лезова. М.: Республика, 1995. 464 с.

Волчек Д. Памяти Дж. Д. Сэлинджера [Беседа с литературоведом Андреем Аствацатуровым] // Радио Свобода. 2010. URL: <https://www.svoboda.org/a/1944442.html> (дата обращения: 05.05.2017).

Иткина Н. Л. Поэтика Сэлинджера. М.: РГГУ, 2002. 225 с.

Катюхина Т. В поисках следов «человека без сущности» // Философская антропология. 2016. Т. 2, № 1. С. 177–194.

Морозова Т. Л. Образ молодого американца в литературе США (битники, Сэлинджер, Беллоу, Апдайк). М.: Высш. школа, 1969. 95 с.

Сартр Ж. П. Тошнота: Роман; Стена: Новеллы. Харьков: Фолио, 1998. 399 с.

Смирнов С. А. Человек перехода: сб. науч. работ. Новосибирск: НГУЭУ, 2005. 535 с.

Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи. Повести. Девять рассказов. М.: Худож. лит., 1983. 592 с.

Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // Аequinox. М.: Кн. сад, 1993. С. 70–94.

Торо Г. Д. Уолден, или жизнь в лесу. М.: Наука, 1979. 456 с.

Финкелстайн С. Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе. М.: Прогресс, 1967. 319 с.

Ястребов А. Л. Концепция детского характера и проблема отчуждения в творчестве Дж. Д. Сэлинджера и Т. Капоте («Над пропастью во ржи», «Луговая арфа»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 14 с.

Ghasemi P., Ghafoori M. Salinger and Holden: Silent Heroes of Modern Times // Academic Journal Article K@ta. Surabaya, Indonesia: Institute of Research and Community. Petra Christian University, June 2011. P. 19–36.

Salinger J. D. The Catcher in the Rye. M.: Progress Publishers, 1979. 248 p.

Steinle P. H. The Catcher in the Rye as Postwar American Fable // J. D. Salinger's The Catcher in the Rye. Bloom's modern critical interpretations. New York: Bloom's Literary Criticism, 2009. P. 89–104.

Rowe J. Holden Caulfield and American Protest // Essays on The Catcher in the Rye. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 77–95.

References

Astvaturov A. A. Dzherom Selindzher: ulybka cheshirskogo kota [Jerome Salinger: the smile of Cheshire Cat]. *Oktyabr'* [October], 2015, issue 10, pp. 128–135. (In Russ.)

Astvaturov A. A. *Fenomenologiya teksta: igra i repressiya* [The phenomenology of the text: play and repression]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obzrenie Publ., 2007. 283 p. (In Russ.)

Buber M. *Dva obraza very* [Two types of faith]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 464 p. (In Russ.)

Volchek D. Pamyati J. D. Selindzhera. Beseda s literaturovedom Andreem Astvaturovym [In memory of J. D. Salinger. A conversation with the literary critic Andrey Astvaturov]. *Radio Svoboda* [Radio Liberty], 2010. Available at: <http://www.svoboda.org/a/1944442.html> (accessed 05.05.2017). (In Russ.)

Itkina N. L. *Poetika Selindzhera* [Salinger's Poetics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2002. 225 p. (In Russ.)

Katyukhina T. V poiskakh sledov «cheloveka bez sushchnosti» [In search of traces of the “man without essence”]. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology], 2016, vol. 2, issue 1, pp. 177–194. (In Russ.)

Morozova T. L. *Obraz molodogo amerikantsa v literature SSHA (bitniki, Salinger, Bellow, Updike)* [Image of a young American in the literature of the United States (beatniks, Salinger, Bellow, Updike)]. Moscow, Vyssh. Shkola Publ., 1969. 95 p. (In Russ.)

Sartre J. P. *Toshnota: Roman; Stena: Novelly* [Nausea: The Wall and Other Stories]. Kharkov, Folio Publ., 1998. 399 p. (In Russ.)

Smirnov S. A. *Chelovek perekhoda: Sbornik nauchnykh rabot* [The man of transition: Collection of scientific papers]. Novosibirsk, NSUEM Publ., 2005. 535 p. (In Russ.)

Salinger J. D. *The Catcher in the Rye. Nine Stories*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983. 592 p. (In Russ.)

Toporov V. N. Veshch' v antropotsentricheskoy perspektive [The thing in the anthropological perspective]. *Aequinox* [Aequinox]. Moscow, Knizhnyy sad Publ., 1993, pp. 70–94. (In Russ.)

Thoreau H. D. *Uolden, ili zhizn' v lesu* [Walden; or, Life in the Woods]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 456 p. (In Russ.)

Finkelstein S. *Ekzistentsializm i problema otchuzhdeniya v amerikanskoj literature* [Existentialism & Alienation in American Literature]. Moscow, Progress Publ., 1967. 319 p. (In Russ.)

Yastrebov A. L. *Kontseptsiya detskogo kharaktera i problema otchuzhdeniya v tvorchestve J. D. Salinger i T. Kapote ("The Catcher in the Rye", "The Grass Harp")*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk

[The conception of a childish character and the problem of alienation in the works by J. D. Salinger and T. Capote ('The Catcher in the Rye', 'The Grass Harp'). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Press, 1989. 14 p. (In Russ.)

Ghasemi P., Ghafoori M. Salinger and Holden: Silent Heroes of Modern Times. *Academic Journal Article K@ta*. Institute of Research and Community. Petra Christian University, June 2011, pp. 19–36. (In Eng.)

Salinger J. D. *The Catcher in the Rye*. Moscow, Progress Publ., 1979. 248 p. (In Eng.)

Steinle P. H. The Catcher in the Rye as Postwar American Fable. *J. D. Salinger's "The Catcher in the Rye"*. *Bloom's modern critical interpretations*. New York, Bloom's Literary Criticism, 2009, pp. 89–104. (In Eng.)

Rowe J. Holden Caulfield and American Protest. *Essays on "The Catcher in the Rye"*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991, pp. 77–95. (In Eng.)

A WORD AND A THING IN THE SYSTEM OF J. D. SALINGER'S POETICS OF SILENCE

Olga M. Lyubimskaya

Postgraduate Student in the Department of Foreign Literature

Tyumen State University

6, Volodarskogo st., Tyumen, 625003, Russian Federation. lubimskaya89@list.ru

SPIN-code: 6882-1710

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1868-678X>

ResearcherID: M-6613-2017

Submitted 12.09.2017

The present paper deals with the phenomenon of silence in J. D. Salinger's prose. The research covers a wide range of Salinger's works, with the main attention given to the novel *The Catcher in the Rye*. The peculiarities of silence are represented through relationships of two equally important categories in Salinger's artistic world: "a word" and "a thing". This question has not been sufficiently studied by specialists, so the author focuses her attention on the new, vital problem. The correlation of the categories under consideration is obvious: with the growth of the material world, the importance of the word decreases; and vice versa, with the desire of characters to preserve "the genuine" word, the connection with the outer space disappears. Salinger's attention to the opposition "material – spiritual", "outside – inner" is clarified in the paper based on the philosophical and existential positions of the writer. It is important to emphasize that the process of alienation is typical of the mid-20th century bourgeois society with its consumption values. Losing the spiritual guiding lines, a person loses his inner core and, as a consequence, becomes an object of the outer space. In this connection, Salinger's characters are perceived as mechanically as a thing. Under the circumstances, the word in Salinger's texts is also perceived as an inanimate object. The main aspiration of Salinger's characters is the desire to protect their own word from the outer, depersonalizing world, to stop its turning into a thing. They feel the meaninglessness of the word during small talk, they literally touch the hollowness of the word, its outer, material form being the only one. That is why they become silent, seek salvation in their inner, speechless reclusion. The author comes to the conclusion that the correlation of "a thing" and "a word" in Salinger's texts determines the main features of his poetics of silence.

Key words: J. D. Salinger; poetics of silence; alienation; existentialism; man and thing; word and thing.